

После полудня облака рассеялись, и редкие лучи солнца легли на узкую тропинку, вдоль которой росли хризантемы с поникшими лепестками. В кустах время от времени раздавалось тонкое стрекотание насекомых, и всё вокруг казалось безмятежным и тихим.

Однако покой был нарушен появлением двух непрошенных гостей в этом величественном и ухоженном кладбище.

Мужун Цзю, одетый в чёрное, держал в руках два букета белых хризантем. Он поддерживал старого дядю Дая, медленно поднимаясь по ступеням, ведущим к группе могил, окружённых белым гранитом. Их шаги порой задевали растения, растущие вдоль тропинки, вызывая лёгкий шелест листьев.

Подняв глаза, Мужун Цзю увидел три белых надгробия, которые становились всё отчётливее по мере приближения.

— Дядя Дай, мы пришли, — тихо произнёс он, нарушая тишину.

Дядя Дай кивнул, взял один из букетов хризантем и, сделав несколько быстрых шагов, подошёл к правому надгробию. Поправив цветы, он согнулся, поставил букет перед могилой, затем, опираясь на колени, выпрямился и отступил на два шага назад.

Мужун Цзю молча занял место, освобождённое дядей Даем, и, склонившись, аккуратно положил свой букет. Выпрямившись, он почтительно поклонился три раза.

— Мисс, дядя Дай пришёл навестить тебя, — хриплым голосом произнёс старик, наблюдая за Мужун Цзю. — Мисс, как ты там? Получила ли деньги, которые мы отправили? Пусть Янь-ван будет милостив к тебе... Я был бесполезен, не смог защитить тебя, только смотрел, как ты...

Голос дяди Дая оборвался, и он опустил голову, вытирая слёзы, которые, казалось, не могли остановиться. Мужун Цзю достал платок из кармана пальто, одной рукой поддерживая спину старика, а другой вытирая его слёзы. Видя его горе, Мужун Цзю сам едва сдерживал печаль, но всё же попытался утешить его:

— Дядя Дай, мама наверняка счастлива. Возможно, она уже переродилась и живёт счастливо где-то в этом мире или в другом уголке вселенной, создавая новую главу своей жизни.

Мужун Цзю никогда не верил в духов или богов. Христианство, в которое верила матушка Жун, или Янь-ван, о котором говорил дядя Дай, — всё это он воспринимал с отстранённой учтивостью, оставаясь человеком, воспитанным на научных принципах. Однако некоторые вещи невозможно объяснить наукой, и когда такие сверхъестественные события произошли с ним самим, он был вынужден признать, что, возможно, духи и перерождение — не вымысел. Иначе как объяснить, что он, умерший, снова открыл глаза и обнаружил, что время повернулось вспять?

Его слова утешения не были пустыми. Он искренне верил, что его мать переродилась и теперь живёт счастливо где-то в этом мире, создавая новую жизнь.

Эти мысли, казалось, передались дяде Даю. Он постепенно успокоился, и в его мутных глазах появился блеск. Он похлопал Мужун Цзю по руке:

— Молодой хозяин прав. Мисс, наверное, переродилась в хорошей семье, где нет всех этих проблем... — Он поднял глаза на бескрайнее голубое небо и выдохнул долгий вздох.

— Дядя Дай, всё позади... — Мужун Цзю тоже вздохнул, но затем улыбнулся. — Мама была важна для меня, и вы с матушкой Жун тоже. Вы самые близкие мне люди сейчас.

Его улыбка исчезла, и он, вспоминая тревожные события того дня, тихо добавил:

— Но я боюсь... боюсь, что вы уйдёте вслед за мамой...

— Глупый мальчишка! — На лице дяди Дая смешались упрёк и нежность. — Ты же сам сказал, что всё позади. Почему опять начинаешь говорить глупости? Я хочу дожить до того дня, когда ты женишься на красавице и у тебя появится сын! Не говори больше таких вещей!

— Да, да, дядя Дай прав. Я был глуп. — Мужун Цзю снова улыбнулся, затем взглянул на белое надгробие. — Дядя Дай, пойдём домой?

Но старик не ответил на вопрос. Он посмотрел на вход на кладбище:

— Ты сказал, что мы с матушкой Жун — самые близкие тебе люди. Но, наверное, ты забыл ещё об одном человеке.

Мужун Цзю удивился и посмотрел вдаль, где увидел двух человек, идущих в их сторону.

— Дядя Дай, это... — Мужун Цзю почувствовал смешанные эмоции, глядя на приближающегося старика в чёрном.

— Ты уже взрослый, и я не могу тебе указывать. Но, молодой хозяин, старики не любят одиночества. Им нравится, когда вокруг шумно и весело. У меня нет такого счастья... Я не хочу, чтобы ты и семья мисс были так далеки друг от друга. — Дядя Дай вздохнул. — Если ты сердисься, вини меня за мою инициативу.

— Как я могу сердиться на тебя! — Мужун Цзю поспешно ответил.

Он прекрасно понимал, что дядя Дай действовал из лучших побуждений. Когда его мать вышла

замуж за представителя семьи Мужун, она заняла особое положение, ведь она была из семьи Ло, одного из великих родов. Хотя семьи Шао, Мужун, Су и Бай назывались четырьмя великими семьями, это было лишь условное название в деловых кругах. Из них только семья Бай была многочисленной, остальные три семьи были малочисленны, и семья Мужун, в которой остался только Мужун Цзю, едва ли могла называться «семьёй». Это название появилось, когда старшие поколения четырёх семей создали мощные предприятия, которые никто не мог поколебать. Тогда семьи были многочисленными, но к поколению Мужун Цзю более подходящим названием было бы «четыре финансовых магната». Однако люди привыкли к старому названию.

Семья Ло, однако, была настоящей аристократической семьёй. Родословная семьи Ло прослеживалась со времён династии Мин, а ветвь, к которой принадлежала мать Мужун Цзю, отделилась от основной семьи в конце династии Мин и начале Цин. Сейчас ей уже несколько сотен лет, и перед такой исторической семьёй даже четыре великие семьи вместе взятые не могли сравниться с одной её ветвью.

История была погребена в пыли, но семья Ло по-прежнему оставалась великой.

Сейчас в семье Ло насчитывалось около тридцати человек, и мать Мужун Цзю должна была быть одной из самых важных фигур. Бывший глава семьи Ло, Ло Чэнцзинь, имел трёх сыновей и одну дочь, и мать Мужун Цзю была его единственной дочерью, его сокровищем.

Но сейчас семьи Мужун и Ло были далеки друг от друга. Когда-то частые визиты и связи стали прошлым, и Мужун Цзю был почти не знаком со своим дедом. Это было печально.

— Дедушка... — Мужун Цзю с уважением поздоровался, глядя на седовласого старика, который, несмотря на возраст, выглядел моложе дяди Дая.

Ло Чэнцзинь серьёзно кивнул, оглядел Мужун Цзю и дядю Дая, затем опустил взгляд на надгробие.

Телохранитель, остановившийся в трёх шагах, подошёл и передал Ло Чэнцзиню букет белых лилий. Девять чистых белых лилий, аккуратно уложенные в изящную упаковку, выглядели свежо и нежно на фоне холодного ветра.

— Твоя мать любила белые лилии, — неожиданно произнёс Ло Чэнцзинь, наклоняясь, чтобы положить букет перед надгробием. — Белые лилии символизируют чистоту и невинность, но их цветение слишком коротко.

Мужун Цзю не нашёлся, что ответить.

<http://bllate.org/book/15114/1335674>